

**ХРИСТИАНСКАЯ ПРОПОВЕДЬ В ПОЭМЕ
М. М. ХЕРАСКОВА “ВЛАДИМИР”**

© 2018 г. А. В. Семенова

Соискатель кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, преподаватель кафедры филологии Казахстанского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова, Республика Казахстан, 010010 Астана, ул. Кажимукана, 11 (Мунайтпасова, 7)
anastasia_semenova@list.ru

Дата поступления материала в редакцию 19 октября 2017 г.

**A CHRISTIAN SERMON IN THE EPIC POEM *VLADIMIR*
BY MIKHAIL M. KHERASKOV**

© 2018 Anastasia V. Semenova

Applicant at the Department of the History of Russian literature, Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University, Lecturer of the Department of Philology at the Kazakhstan branch of Lomonosov Moscow State University, Republic of Kazakhstan, 010010, Astana, Kazhimukan st., 11 (Munaitpasov st., 7)
anastasia_semenova@list.ru

Received by Editor on October 19, 2017.

Речь идет об изложении основ христианского вероучения устами нескольких персонажей-наставников в поэме Хераскова “Владимир” (варяги-мученики, Идодем, философ Кир). Рассматриваются сюжетные функции их проповедей, играющих ключевую роль в “возрождении” главного героя, последовательность в преподавании ему различных аспектов новой веры, а также их отношение к историческим источникам поэмы (летописи, труды историков XVIII в.), некоторые из которых устанавливаются в статье.

The article focuses on fundamentals of the Christian faith as depicted in Mikhail Kheraskov’s epic poem *Vladimir* and imparted by the protagonist’s teachers (Varangian martyrs, Idolem, philosopher Kir). The article explores their plot-driving sermons (which spur the “rebirth” of the protagonist), a series of ruminations on various aspects of the new faith, as well as different links to historical sources of the poem (the annals, the works of historians of the 18th century), some of which are defined in this article.

Ключевые слова: Херасков, “Владимир”, крещение Руси, христианская проповедь, эпическая поэма.

Key words: Kheraskov, “Vladimir”, the baptism of Rus, the Christian sermon, an epic poem.

Отличительной чертой эпических поэм Хераскова, и в особенности второй из них – поэмы “Владимир” (1785, 1797)¹, является сочетание по-

вестования на исторической основе с религиозными и нравственными поучениями, преподаваемыми как от автора, так и устами специально для этого вводимых персонажей-наставников. В “Предуведомлении” к “Владимиру” Херасков предупреждает, что в этой поэме следует искать не столько традиционных черт эпического произведения, сколько положительный пример человека, осознавшего свои заблуждения и нашедшего силы вступить на стезю добродетели: “Ежели кто будет иметь охоту прочесть моего Владимира, тому советую, наипаче юношеству, читать оную не как обыкновенное Эпическое творение, где по большей части битвы, рыцарские подвиги и чудесности воспеваются; но читать как странствование внимательного человека путем истины, на

¹ Впервые поэма вышла в 1785 г. под заглавием “Владимир возрожденный” и состояла из XV песней; в переизданиях она называлась уже просто “Владимир” и дополнялась и переделывалась автором. Ниже поэма цитируется по последнему прижизненному изданию в “Творениях” Хераскова (1797), где представлена наиболее полная ее редакция, состоящая из XVIII песней [1]. Работы, в которых специально обсуждается “Владимир”, немногочисленны (см.: [2, с. 339–340]; [3, с. 180–183]; [4, с. 37–40]; [5]; [6]; [7]; [8]; [9]; [10]; [11]; [12, с. 11–13]; см. также диссертации о поэмах Хераскова [13]; [14] и недавно вышедшую книгу, где перепечатаны отрывки из “Владимира” [15]). Отмечаемые в большинстве из них масонские подтексты поэмы в нашей статье специально не рассматриваются.

котором сретается он с мирскими соблазнами, подвергается многим искушениям, впадает во мраки сомнения, борется со врожденными страстями своими, наконец преодолевает сам себя, находит стезю правды и, достигнув просвещения, возрождается” [1, с. VIII]. Так Херасков с самого начала задает вектор восприятия поэмы, указывая на ее особую назидательность для читателей, хотя сразу вслед за этим подчеркивает скромность своей авторской роли: он лишь поэт, вещающий о событиях прошлого: “Не учительским скучным голосом преподаю наставления, как достигая света истины; ни с важностью проповедника мне неприлично возвещаю, как возродиться человек может; но в духе свойственном песнопевцу, робкому песнопевцу, единственно о Христианском просвещении Владимира поведаю, Владимира, России просветителя и нареченного Равноапостольным” [1, с. VIII–IX].

Наставники, подталкивающие Владимира к принятию христианства, сопровождают его на протяжении всей поэмы: в I песни появляются варяги, отец и сын, принявшие мученическую смерть; в V песни Владимир знакомится с тайным христианином отшельником Идолемом, беседа с которым продолжается в VII песни; в VIII–IX песнях приведена проповедь греческого философа Кира, возобновляемая в заключительных XVII–XVIII песнях. Общая функция этих героев – изложить суть христианского закона и подать положительный пример поступками, способствовать духовному прозрению князя.

Первым толчком к отказу Владимира от ложной веры (языческой)² и принятию истинной (христианской) становится проповедь варяга-пустынника. До этого князь вел порочный образ жизни: предавался любовным утехам, был горд и тщеславен, хотя народом, дремлющим “безбожного неверия в ночи” [1, с. 4], почитался как хороший правитель. Никто не упрекал его за любовострастие, ибо это воспринималось как нечто естественное и дозволенное, и не обвинял в безбожии, ибо он чтит богов, прислушивался к жрецам и приносил жертвы. Впервые заглянуть себе в душу Владимира заставляет проповедь и гибель за веру старца варяга и его сына. Они со слезами взирают на киевлян, не ведающих истины, молятся об их просвещении, и небо отвечает им: Херувим является старцу и велит идти к Владимиру и “отогнать кумирства мрак от глаз его” [1, с. 6]. Исполняя свою миссию, старец обличает заблуждения Владимира, главное из которых – почитание рукотворных кумиров вместо Единого Бога-Творца:

О Царь! он спросил; который твой кумир
Вселенну основал и наш устроил мир?
Которым люди суть рассудком одаренны?
Мне мнится, все они тобою сотворенны;
Ты в деле рук своих величишь Божество,
Не идолы тебе, ты дал им существо.
И для того что тлен и тварей обожаешь,
Во тленах жизнь свою, во мраках погружаешь.
Есть Бог живой! сей Бог тобою оскорблен,
Что образом Его нарек ты прах и тлен. [1, с. 6]

Варяг призывает князя отказаться от плотских радостей в пользу духовных и принять христианство, и его проповедь становится первой ступенью на пути Владимира к “возрождению”.

История двух варягов в поэме заимствована из исторических источников. В “Повести временных лет” под 6491 (983) годом приведен рассказ о варягах-мучениках, который был известен Хераскову, например, по изданию “Русской летописи по Никонову списку” (1767) [17, с. 66–67]. Историкосовременники поэта воспроизводили этот эпизод со ссылкой на Нестора-летописца. В.Н. Татищев пересказал соответствующий фрагмент [18, с. 63–64], а М.М. Щербатов и М.В. Ломоносов дополнили его подробностями из других источников: первый уточнил, что варягов принесли в жертву в ознаменование победы Владимира над ятвягами, и назвал их имена – Федор и Иоанн [19, с. 248] (вероятно, следуя житию в Прологе), Ломоносов же добавил, что они жили в Киеве и были знатны, а жребий пал на юношу в результате подтасовки жрецов [20, с. 101]. В поэме Хераскова проповедь старца-варяга преднамеренна, и он заведомо готов принести себя и сына в жертву во имя благой цели (просвещения Владимира и киевлян). Кроме того, изменена хронология событий: между проповедью варяга и его гибелью проходит некоторое время, и в ход событий успевает вмешаться злой дух, направляющий в Киев “Мать немощей”, которая сеет в городе болезни и страх, в результате чего Владимир и позволяет принести варягов в жертву:

Владимир, любящий народ как нежных чад,
Опустошаемый оплакивает град;
Кумиров помощи при бедствах общих просит;
Пред ними слезы льет и жертвы им приносит.
Перун изрек в ответ глаголами жрецов:
“Не требую теперь ни злата, ни тельцов,
Дабы столица вся от зла была спасенна;
Варяжска кровь должна быть в жертву принесенна”.
[1, с. 9]

Эпизод, когда язычники приходят за варягами в их дом, и повтор упрека в поклонении бесчувственным кумирам из камня и дерева соответствуют летописному рассказу. Однако далее снова разночтение: варягов ведут на заклание в храм, обряд совершает жрец Пламид [1, с. 8–13]. Летопись,

²О способах дискредитации язычества во “Владимире” см. в другой нашей работе [16].

напротив, говорит о том, что разгневанные киевляне убили варягов в их доме сразу после речи отца в защиту сына.

Разочаровавшийся в язычестве князь нуждается в мудрых наставниках. В тот момент, когда жрецам удастся вновь привлечь Владимира на свою сторону, в Киеве появляется Идолом — христиан-отшельник, брат верховного жреца Пламида. Напоминающий просвещенного масона Идолом открывает Владимиру иной мир, поясняет, в чем состоит подлинное счастье человека. Мирские радости — богатство, пиры, военные победы, любовь красавиц — предстают оковами, привязывающими человека к грешной земле и отдаляющими от Создателя, в то время как пост и молитва помогают обрести блаженство духовное:

Когда трапезу мы убогую вкушаем,
Сердцами радостны, при пище быть желаем;
Не нужен сладкий мед, ни песни, ни чертог;
Молитва соль для нас, а пища наша Бог:
Сердца мы от земли к Создателю возносим,
И в жертву мы себя, вкушая хлеб, приносим.
[1, с. 82]

Идолом учит Владимира отличать “нетленный мир” от тленного, внешнюю красоту, часто скрывающую зло, от небесной благодати:

Нетленный мир тебе и тленный представляю;
Ты видел, что одет густым покровом он,
Во внешности вещей скрывает мудрость трон;
Тьма хочет царствовать над светом сокровенным,
А свет не хочет быть у тьмы враждебной пленным;
Сия родится в нас бесперестанно брань;
В последней Божия поддерживает длань.
[1, с. 107–109]

Проповедь Идолама, призывающая отрешиться от мирской суеты, задает Владимиру новые нравственные ориентиры и побуждает к принятию новой веры. Пройти по указанному им пути Владимиру помогает греческий философ Кир — самый значительный из героев-проповедников в поэме. По мнению А. Дрождека [11, с. 89–113], Кир во “Владимире” отождествляется с создателем славянской письменности святым Кириллом (давно почившим ко времени крещения Руси), однако с этим едва ли можно согласиться. Именно так (Кир) называет проповедовавшего перед князем Владимиром греческого философа В.Н. Татищев (пересказывая летописный эпизод с прениями о вере, см.: [18, с. 65–67]), а также Екатерина II (см.: [21]). Херасков дает это имя своему герою, следуя за Татищевым и не без оглядки на исторические труды

императрицы³, т.е. не допускает никакого намеренного анахронизма, а лишь сюжетно связывает его с вымышленными персонажами поэмы — с чародеем Зломиром (к которому Кир попадает в плен по дороге в Киев) и с упомянутым выше Идоломом (который предрекает Владимиру приход грека и советует прислушаться к его учению).

Согласно “Повести временных лет”, философ-грек приходит в Киев после магометан, иудеев и латинян, чьи учения Владимир по разным причинам отверг, и излагает основные моменты священной истории, предлагая князю целостную христианскую картину мира (см.: [17, с. 69–83]; ср.: [18, с. 65–67]; [19, с. 255]; [20, с. 109–113]). Кир в поэме Хераскова делает то же самое: именно он знакомит Владимира с христианским учением о Боге-Троице и со Священным Писанием — рассказывает о сотворении мира и человека, восстании сатаны, грехопадении людей и изгнании их из рая, о пришествии в мир и распятии Мессии, о грядущем Втором пришествии, Страшном суде и посмертном воздаянии за грехи.

В продолжение проповеди Идолама Кир указывает Владимиру на его слабости, которые князю надлежит побороть, чтобы приблизиться к Богу. Философ осуждает мирские блага, следствием которых становятся гордыня, развращенность, нравственные метания:

Но мы под тяжестью своих мирских оков,
Самих себя любя, не слышим Божьих слов;
Не слышим, буйствуем, тщеславимся, гордимся,
И падшим ангелам подобны становимся,
Иль тварью делаем Творца мы своего...
[1, с. 132]

Как отмечает А.В. Западов [4, с. 38], Херасков особенно строг к чувству любви, если это не возвышенное духовное общение людей, далекое от плотского притяжения. Кир убеждает Владимира полагаться на Бога, а не на разум. Философ разграничивает мудрость, проистекающую из веры, и “умствование”, заставляющее человека подвергать сомнению Премудрость Божию, которой проникнуто все в мире:

Во всю вселенную, как крылья простирая,
Премудрость Божия преходит в край из края;
Не умаляется, не тратит сил Она,
Везде равно светла, всегда равно сильна.
[1, с. 127–128]

³Первая часть ее “Записок касательно российской истории” была напечатана в “Собеседнике любителей русского слова” в 1783 г. Ломоносов, называющий участвовавшего в прениях о вере перед Владимиром философа Константином [20, с. 109], и Щербатов, назвавший его Кириллом [19, с. 254], также не отождествляли его с одним из равноапостольных учителей словенских. Имя “Кир” может быть сокращением имени Кирилл.

Речи Кира менее абстрактны, чем наставления Идолема, поскольку он приходит в Киев с определенной целью — склонить Владимира к крещению. Этим и обусловлено содержание его проповеди. Кир помогает князю определиться с выбором, доказывая преимущества греческого православия, поскольку только в нем можно обрести духовное прозрение, и объясняет князю, что тому надлежит сделать:

Кумирною до днесь еще покрытый тьмой,
В грехах лежашу плоть крещеньем, Князь, омой;
Тогда сомкнет уста для Россов преисподня,
Не ты ее сомкнешь, сомкнет рука Господня;
Пойдешь ты к небесам с степени на степень.
[1, с. 144]

Кир также апеллирует к монаршей ответственности Владимира, приводя просвещение Руси в качестве весомого аргумента в пользу принятия христианства: выбор Владимира должен определить судьбу его народа — преодолевая препятствия на пути к Богу, князь пролагает путь к спасению своих подданных [1, с. 144]. Доводы Кира в конечном счете и убеждают князя в необходимости креститься.

Вновь Владимир встречает Кира уже в Херсоне, куда философ прибывает вместе с царевной Анной для провозглашения мира. Кир разъясняет таинство крещения и указывает на путь “подражания Христу”, на который и должен теперь вступить преображенный (“возрожденный”) Владимир:

Когда желаешь ты последовать Христу,
Он крест на раме нес, готовься сам к кресту;
С ним должен ты страдать и к древу пригвоздиться,
С ним должен умереть и паки возродиться;
Ты должен пострадать, потом воскреснуть с Ним.
[1, с. 335–336]

Общим местом всех проповедей в поэме “Владимир” является мотив посмертного воздаяния. Варяг-пустынный, Идолом и Кир последовательно внушают князю мысль о том, что земные радости ничто по сравнению с бессмертием души, пребывающей в вечном свете, и что свет этот недостижим без Христа. Кир прямо говорит об этом:

Таким спасенья нет, не знает кто Христа;
Священник Божий Он, Он сердце, Он уста...
[1, с. 130]

Образу Эдема в поэме контрастно противопоставлена очень яркая и удручающая картина ада. Низвержением во мрак Владимиру настойчиво грозят все проповедники, а Кир передает ему “хартию” с изображением Страшного суда, на которой Владимиру словно наяву видится ад: он чувствует

дым, зрит океан пламени, слышит вопли грешников [1, с. 135]. Эта деталь не полностью вымышленна Херасковым: упоминание о завесе, на которой написано судилище Господне — праведники, шествующие в рай, и грешники, идущие на муки, — есть в “Повести временных лет”⁴, а также в трудах Ломоносова [20, с. 113] и Щербатова [19, с. 255]. В данном случае поэт следует за историческими источниками, дополняя их свидетельство живописными подробностями.

Выделяя во “Владимире” мотив посмертного воздаяния за грехи (вслед за летописным рассказом), Херасков даже отчасти противоречит сам себе — другим защищаемым в поэме идеям. Так, вступая в спор с язычниками, Кир говорит, что власть их кумиров зиждется на страхе. В то же время он сам и другие герои-проповедники пугают Владимира посмертными муками, если он вовремя не перестанет упорствовать в заблуждениях. Противоречие снимается тем, что, по словам Кира, наказание или награда — следствие наших поступков, грешники сами навлекают на себя кару, путь же к Богу открыт для каждого:

Мученья следствия дел наших, не отмщенье,
Рай воздаяние, мытарствы очищенье;
Не щедрый нас казнит сужденьем Бог своим,
Ах! сами мы себя деяньями казим. [1, с. 139]

А.И. Любжин отмечал, что в “Россиаде” Хераскова рай и ад разведены, чтобы подчеркнуть гибельность гордыни и насилия и преимущества христианских добродетелей, помогающих русским одержать победу [22, с. 92]. Во “Владимире” же описания Эдема и ада даны контрастно с несколько другой целью: они должны способствовать самоопределению главного героя. Обещания, помноженные на устрашения, приводят князя к очевидному заключению: праведником быть хорошо, грешником — плохо, и, чтобы достигнуть блаженства и избежать мук ада, нужно стать христианином. И этот вывод главного героя поэмы согласуется со свидетельством летописи о реакции Владимира на речь Философа: “Володимер же вздохнув рече: добро сушим о десную, горе же сушим о шую” [17, с. 83] (то же находим в трудах историков: [18, с. 67]; [20, с. 113]; [19, с. 255]).

Христианские проповеди составляют значительную часть поэмы “Владимир”. Наставления проповедников не одинаковы (они зависят от стадии внутреннего преображения, на которой

⁴Ср.: “И сия вся изрек Философ, показа Володимеру запону, на ней же бе написано страшное судище Христово: и показоваше ему о десную страну праведных в веселии предьидуша в рай, а о шую грешных идуща в муку. Володимер же вздохнув рече: добро сушим о десную, горе же сушим о шую” [17, с. 83].

находится герой в тот или иной момент), но их объединяет цель и ряд схожих мотивов.

Сюжет произведения строится вокруг названных проповедей: появление варягов инициирует внутренний конфликт в душе Владимира и его внешнее противостояние противникам христианства; Идолем открывает ему новый, “нетленный” мир и внушает желание уподобиться праведникам, осененным божественной благодатью; Кир убеждает Владимира принять крещение и поощряет поход на Херсон, где князю суждено “переродиться”. Проповеди варяга-мученика и философа Кира перекликаются с соответствующими фрагментами в “Повести временных лет”. Идолем – персонаж вымышленный: его роль в поэме тесно связана с аллегорическим и масонским планами поэмы, на что уже обращалось внимание (см.: [5, с. 215]). Эпический прототип Идолема (и, кстати, Вассиана в “Россияде”, о чем упоминает А.И. Любжин [22, с. 93]) – отшельник в “Генриаде” Вольтера, предсказывающий Генриху Наваррскому обращение в католическую веру. Конечная цель пути, по которому автор поэмы проводит Владимира, – нравственное преобразование и “возрождение” для новой жизни. Пример Владимира, по мысли Хераскова, должен подтолкнуть читателей к духовному самосовершенствованию, а речи, вложенные в уста героев-проповедников, позволяют поэту давать советы, не выходя за рамки повествования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

1. *Херасков М.М.* Владимир, поэма эпическая // Херасков М.М. Творения, вновь испр. и доп.: [В 12 ч.]. Ч. 2. М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797. 361 с. [Kheraskov, M.M. *Vladimir*. – Kheraskov M.M. *Tvorenija: [v 12 ch.]. Ch. III* [Works in 12 Parts. Part III]. Moscow, 1797. 361 p.]
2. *Кулакова Л.И.* Херасков // История русской литературы: В 10 т. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1947. С. 320–341 [Kulakova, L.I. *Kheraskov. Istorija russkoj literatury: V 10 t. T. IV: Literatura XVIII veka* [A History of Russian literature: in 10 v. Vol. IV: Literature of the 18th Century]. Moscow, Leningrad, 1947. P. 320–341.]
3. *Соколов А.Н.* Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М.: Издательство Московского университета, 1955. 692 с. [Sokolov, A.N. *Oчерки po istorii russkoj poemy XVIII i pervoj poloviny XIX veka* [Essays on the History of Russian Poems of the 18th and the first half 19th century]. Moscow, 1955. 692 p.]
4. *Западов А.В.* Творчество Хераскова // Херасков М.М. Избранные произведения. М.; Л.: Советский писатель, 1961. С. 5–56 (Библиотека поэта, бс) [Zapadov, A.V. *Tvorchestvo Kheraskova* [Works by Kheraskov]. Kheraskov, M.M. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works]. Moscow, Leningrad, 1961. P. 5–56.]
5. *Доланский Ю.* Херасков и Гавличек // XVIII век. Сб. 7. М.; Л.: Наука, 1966. С. 213–219. [Dolansky, Yu. *Kheraskov i Gavlichek*. [In *The Eighteenth Century*. Issue 7]. Moscow, Nauka Publ., 1966. P. 213–219.]
6. *Доланский Ю.* Херасков и Линда // XVIII век. Сб. 10. Л.: Наука, 1975. С. 135–142. [Dolansky, Yu. *Kheraskov i Linda*. [In *The Eighteenth Century*. Issue 10.] Moscow, Nauka Publ., 1975. P. 135–142.]
7. *Orlowska, A.* *Poemat klasycystyczny Michala Cheraskowa*. Lublin, 1987. 146 p.
8. *Орловская А.* Миф России в творчестве М. Хераскова (поэма “Владимир”) [Orlowskaya A. [A Myth of Russia in the Works of M. Kheraskov (On the Epic Poem “Vladimir”)] In *Slavica: Annales Instituti Philologiae Slavicae Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth nominatae*. Debrecen, 1997. T. XXVIII. P. 27–31.]
9. *Гончарова О.М.* Смысловое пространство русской культуры: память – традиция – текст: Монография. СПб.: РХГИ, 2005. 382 с. [Goncharova, O.M. *Smyslovoye prostranstvo russkoj kul'tury: pamyat'-traditsiya-text*. [The Meaningful Space of the Russian Literature: The Memory. The Tradition. The Text. A Monograph]. St. Petersburg, 2005. 382 p.]
10. *Приказчикова Е.Е.* Нравственно-религиозная концепция человека в поэме М. Хераскова “Владимир Возрожденный” // Классическая словесность и религиозный дискурс (проблемы аксиологии и поэтики): сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 49–71. [Prikazchikova, Ye.Ye. *Nravstvenno-religioznaya kontsepsiya cheloveka v poeme Kheraskova “Vladimir vozrazhdennyi”*. [On Moral-and-Religious Conception of A Human Being in Kheraskov’s Poem “Vladimir Regained”]. *Klassicheskaya slovesnost' i religiozniy diskurs*. [The Classical Letters and Religious Discourse]. Ekaterinburg, The Ural University Publ., 2001. P. 49–71.]
11. *Drozdek A.* Religious Aspects of Kheraskov’s Epic Poems // *Ricerche Slavistiche*. 11 (57). 2013. P. 89–113.
12. *Давыдов Г.А.* Религиозно-философские поэмы М.М. Хераскова: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. [Davydov, G.A. *Religiozno-philosophskie poemy M.M. Kheraskova*. [On Religious-and-Philosophical Poems of Mikhail Kheraskov. Diss. Cand. Sci. in Philology]. Moscow, 1999.]
13. *Федотова Л.Л.* Русская национальная идея в героическом эпосе М.М. Хераскова: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. [Fedotova, L.L. *Russkaya Natsional'naya ideya v geroicheskom epose M.M. Kheraskova*. [The Russian National Idea in Mikail Kheraskov’s Heroic Epics. Diss. Cand. Sci. in Philology]. Moscow, 2009.]

14. Гранцева Н.А. Чудо о Князе-Крестителе. СПб.: Журнал “Нева”, 2016. 240 с. [Grantseva, N.A. *Chudo o Knyaze-Krestitele*. [A Miracle of the Prince-the-Baptist]. St. Petersburg, Zhurnal “Neva”, 2016. 240 p.]
15. Русская летопись по Никонову списку. Ч. 1 / Под ред. А. Шлецера. СПб.: Императорская Академия наук, 1767. 198 с. [*Russkaya letopis' po Nikonovu spisku. Chast' 1*. [The Russian Chronicle after the Nikonov Manuscript. Part 1. Ed. A. Shletser]. St. Petersburg, 1767. 198 p.]
16. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен: [В 4 кн.] Кн. 2. М.: Императорский Московский университет, 1773. 536 с. [Tatischev, V.N. *Istoriya Rossiiskaya s samykh drevneishikh vremen: V 4 kn.* [A Russian History from the Ancient Times: In 4 bks.]. Кн. 2. Moscow, 1773. 536 p.]
17. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен: [В 7 т.]. Т. 1. СПб: Императорская Академия наук, 1770. 325 с. [Scherbatov, M.M. *Istoriya Rossiiskaya ot drevneishikh vremen: V 7 t.* [A Russian History from the Old Times: In 7 vols.]. Т. 1. St. Petersburg, 1770. 325 p.]
18. Ломоносов М.В. Древняя Российская история. СПб.: Императорская Академия наук, 1766. 140 с. [Lomonosov, M.V. *Drevnyaya Rossiiskaya istoriya*. [The Ancient History of Russia]. St. Petersburg, 1766. 140 p.]
19. Екатерина II. Записки касательно российской истории: [В 2 ч.]. Ч. 1. СПб.: Императорская типография, 1787. 416 с. [Catherine the Great. *Zapiski kasatel'no rossiiskoi istorii: v 2 ch.* [Notes on the Russian History: In 2 Parts]. Ch. 1. St. Petersburg, 1787. 416 p.]
20. Любжин А.И. Христианские источники “Россиады” М.М. Хераскова // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 4. Петрозаводск, 2005. С. 86–95. [Liubzhin, A.I. [Some Christian Sources of Mikhail Kheraskov's “Rossiad”] *Evangel'sky tekst v russkoi literature 18–20 vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, siuzhet, zhanr*. [A Evangelic Text in the Russian Literature of the 18th – 20th Cent.: Through Citation, Allusion, Motive, Plot, Genre]. No. 4. Petrozavodsk, 2005. P. 86–95.]